

ЗВЕЗДА РУНЕТА • ТРИЛЛЕР

Павел Давыденко

УЧИЛКА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Д13

Серия «Звезда Рунета. Триллер»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Давыденко, Павел Вячеславович
Д13 Училка / Павел Давыденко.— Москва: Издательство
АСТ, 2018.— 315, [2] с. — (Звезда Рунета. Триллер).

ISBN 978-5-17-105749-7

Любовь и ненависть, дружба и предательство, боль и ярость — сквозь призму взгляда Артура Давыдова, ученика 9-го «А» трудной 75-й школы.

Все ли смогут пройти ужасы взросления?
Сколько продержится новая училка?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Павел Давыденко, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

— Так кто теперь вести будет? — зевнул Турка.

— Проханов видел новую историчку. Молоденькая, говорит, — ухмыльнулся Вовка Плетнев.

— Молоденькая? Значит, до инфаркта ее не доведут.

В классе стоял гул. На исцарапанной, темно-зеленой доске красовались всякие человечки, кривые буквы «ПЕТЯ ЛОХ».

Над доской висели истрепанные фотоплакаты: «Джоконда», «Париж, вид сверху», «Лувр», «Римский Колизей». Сбоку, напротив ряда окон и на задней стене, — портреты русских полководцев и вояк, в деревянных рамках и под стеклом: Ушаков, Нахимов, Суворов, Кутузов, Жуков.

Только вдуматься — еще целый год прозябать тут! После трех месяцев свободы, когда уже совсем привык к ней и расслабился донельзя, когда уже почти поверил, что школа была лишь страшным сном, да и то чужим. Целый год.

— Вторую матешу поставили последней, ваще нека-айф, — Вова увернулся от бумажки. — Специ-

ально, чтоб с общества не спетлял никто. Хотя Конова ушла...

— Она ж на подкурсы в сам-знаешь-куда, — отозвался Турка, и приятели захихикали. Гул голосов одноклассников повис над потолком настойчивым пчелиным жужжанием.

Преподавательница-то какой пример подает — опаздывает!

Ленка Конова и впрямь ничего, симпатичная. В начальной школе она была незаметной, неказистой девчонкой, а теперь расцвела.

Вот вернулась откуда-то в прошлом году. Бродили разные слухи: то она перешла в другую школу, то уехала за границу, почему-то говорили про Флориду. Глаза у нее теперь густо подведены, она постоянно жует резинку и слушает музыку в наушниках. Ни с кем не разговаривает и на уроках не отвечает. Сидит и буравит взглядом учителей, если спросят что-то.

Девчонки всякое про Ленку говорили. Всякие ходили слухи.

Скрипнула дверь, и зацокали каблуки. Ученики стали поворачивать головы, гул мигом стих. Новая преподавательница: строгая твидовая юбка чуть прикрывает колени, верх — красная кофточка-водолазка без выреза. Прошла между рядами парт, переступая через раскрытые рюкзаки.

Вовчик приоткрыл рот. Турка пожирал учительницу глазами. Жалко, что нет выреза... Все подрагивает в такт упругим шагам, водолазка вот-вот лопнет.

Волосы собраны в строгий пучок. Турка легко представил, как учительница выдергивает из пучка

ГЛАВА 1. ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

заколку и каштановые пряди, струясь, ниспадают на хрупкие плечики, обрамляют высокие скулы.

И что-то непонятное в выражении лица. Волнуется? У Турки возникло ощущение, что он уже видел эту новенькую учительницу раньше.

Учительница замерла у доски с прямой спиной. Обвела взглядом класс и улыбнулась:

— Здравствуйте, ребята! Я буду вести у вас обществознание и историю.

— Сексознание? — переспросил кто-то. Вовка злобно поглядел в ту сторону и тут же отвернулся. Там сидела банда, терроризировавшая всю школу: Крыщ, Тузов и Рамис — не хватало только Шули.

— Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Мария Владимировна,— чистый, звонкий голос отражался от стен, от пыльных занавесок, от окон с подтеками. От этого голоса у Турки вибрировало тело. Ребята не реагировали на приветствие, причем неосознанно. Турка сразу заметил, что девчонки поражены. Вон как Алина Воскобойникова рот открыла. Та еще штучка!

Пацаны уже потихоньку шевелились и шушукались. Лед удивления, сковавший на несколько мгновений класс, потрескался и таял.

— Итак, делаем переключку. Я называю фамилии по списку, а вы встаете и показываетесь мне. Должна же я вас потихоньку запомнить.

— Вряд ли ей это понадобится,— бормотнул Вовка.— Турк, как думаешь, сколько продержится?

С передней парты повернулся Петя Русаков. Глаза у него были по-особенному тусклые, как будто пылью засыпаны.

— Лучше бы кого-то типа музычки поставили,— шепнул он краем рта,— она хоть гаркнуть может.— И отвернулся.

Вовчик скорчил рожу, ткнул Петю в спину кулаком так, чтоб Мария Владимировна не увидела, и зашипел:

— Да ты дурень, что ли?!

Турка согласно кивнул и прыснул в кулак.

— Начинаем. Асламов?

Поднялся молчаливый Рустам. Он никогда не принимал в конфликтах чью-либо сторону, редко смеялся. Рустам всем давал скатывать математику и просил написать за него сочинения по русскому языку.

— Баринова? Так, хорошо. Батраков? Березин? Водовозов Алексей? Водовозов Григорий?

Лешка и Гришка — братья-близнецы. На первый взгляд никаких отличий между ними нет. Вовка божился, что научился их отличать, а сам Турка всегда их путал. Смышленные пацаны.

Переключка тихонько себе катилась, опять начал нарастать гул, как будто кабинет постепенно приближался к водопаду.

Турка подпер щеку ладонью и задумался.

Предыдущую учительницу истории и обществознания — Зинаиду Альбертовну — положили в больницу с сердечным приступом в начале апреля. До конца прошлого учебного года она лечилась, и теперь вроде как возвращаться в школу не собирается. Трудно сказать, что именно стало последней каплей. Никто толком не отвечал на уроках, все постоянно орали, швыряли бумажки, выковыривали комки земли из горшков и бросались друг в друга. Бесились, в общем.

ГЛАВА 1. ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

Плюс, Альбертовну донимал Шуля. Как начнет «общаться» с учителем, так не заткнешь. Ему слово, а Шуля двадцать в ответ.

Как-то раз в кабинете у географа после перемены запахло мочой. Олег Анатольевич ушел в подсобку, а ему на стул подложили здоровенную кнопку, монтажную. Вол тогда носил с собой целую коробку.

Олег Анатольевич на такой дешевый фокус не купился. Только внезапно вспыхнул и швырнул кнопку в аудиторию. Покраснел весь и стоит, сжимает и разжимает кулаки. Шуля тихонько поднялся и сказал:

— Вы в меня попали кнопкой.

— Сядь! — гаркнул географ. — Кому говорю?!

— Извинитесь, тогда сяду, — ухмыльнулся Шуля.

— Вышел из класса, — географ побагровел еще сильнее.

— Чего это? Я за знаниями пришел. Почему я должен выходить?

— Потому что я тебе сказал. Преподаватель. Выйди.

Географ тяжело дышал, на шее вздулась и пульсировала жила. Глаза блестели, и он, не мигая, смотрел на Шулю. Тело под мешковатым пиджаком напряглось.

— Нет, вы извинитесь сначала. А если в вас кнопку кинуть? Приятно будет?

— Попробуй. Я тебе ее потом знаешь куда воткну?

— А я тогда на вас в суд подам. Вы как преподаватель не имеете права...

— Подавай. Можешь прямо сейчас идти, — географ резко дернул головой.

— Ну и пойду! — Проходя мимо первой парты, Шуля остановился и поглядел на географа в упор. Потом замахнулся и сделал вид, что поправляет волосы.

Учитель перехватил руку и толкнул Шулю в грудь. Тот отпрянул и налетел на первую парту. Выбил из рук Саврасовой Карины ручку. Она вроде как на домашнем обучении, но иногда приходит в школу и сидит за первой партой с безумным видом. Больная или немного отсталая — неизвестно. Однажды Вовка спросил: «Кто за тебя написал сочинение?» Карина ответила: «Сама». Тогда он сказал: «У тебя не хватит мозгов», а Саврасова продолжила смотреть перед собой с отсутствующей улыбкой.

— Ты чо толкаешься!

— ПОШЕЛ ВОН! — завизжал географ. Банда Шули заливалась хохотом на задних партах, Тузов гоготал, а Крыщ дергал ногами и стучал кулаками по болтающейся ДСП-шной крышке парты.

— Заткнулись все! Проваливай из класса, олух!

— Кстати... Я полил ваши цветы, — Шуля отошел поближе к двери, потирая бедро. — Ах, пятиминутка... Каждый горшок, — уточнил он, скалясь гнилой улыбкой. Турка думал, что Шуля и родился с этими коричневыми карамельными пеньками во рту. Олег Анатольевич бросился на него, а Шуля выскочил за дверь.

Географ вернулся минут через десять, бледный до синевы. К тому времени все уже потихоньку ожили и обсуждали случившееся. Касьянов таскал за волосы Муравья, Рамис плевался из трубочки катышками бумаги. Попал пару раз в Саврасову — она лишь

ГЛАВА 1. ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

мотнула головой и продолжила глядеть перед собой: руки сложены на парте, спина прямая.

— Давыдов! — Турка вылез из-за парты. Встретился взглядом с учительницей. Руки скрестил спереди, почему-то стало неловко. Сзади что-то шептали, но он ничего не видел, кроме зеленых глаз и ярких училкиных губ.

— Я,— хрипло выдавил он.

— Очень хорошо. Китаренко?

Турка сел. На фоне девчонок (даже если сравнивать с Коновой или Воскобойниковой Алиной) новая преподавательница прямо топ-модель.

Зинаидка-инфарктница была сущей гарпией. Жирная тетка, которой на вид можно дать и сорок пять, и шестьдесят лет. Волосы с проседью, а зубы щербатые, как дряхлый забор.

— Уфимцев... Филимонова... Филиппов... Хазова, Шульга? Ребята, потише, пожалуйста!

Вол часто краснеет — что-то с давлением, скорее всего, и всегда такой отвратительный у него цвет кожи, мертвецкие оттенки — бордовый, синюшно-фиолетовый или пепельно-черный.

Вол никогда ничего не писал в тетрадях. Собственно, и тетрадей он никаких не носил. На каждом уроке перед ним лежал листочек в клеточку, и Вол рисовал там какие-то каракули.

— Шульга? Отзови-ись! — пропела учительница. Шуля отозваться не мог, естественно. Кто-то из ботаничек на первой парте подсказал учительнице, что его нет.

— Не буду ставить «энку», у нас ведь первое занятие в этом году.

— И последнее,— шепотом добавил Вовка.

— А он вообще не ходит на уроки,— сообщила Воскобойникова.— Прогульщик!

— Понятно... Дальше у нас Шарловский, Щепак... Ага, вижу. Щипачева? — Поднялась сухая, похожая на галку девочка с прямыми волосами и бесцветным лицом.— И Дмитрий Якоренко,— Мария Владимировна облизала губы и обвела взглядом класс. Постучала по раскрытому журналу ручкой.— Что ж, начнем. Итак, в прошлом году вы ведь уже проходили начальный курс обществознания? Этот год у вас выпускной, а у некоторых и вовсе последний в школе. Помните, что предстоит в мае—июне? — Мария Владимировна заходила вдоль доски.— Обязательный государственный экзамен, а потом четыре выпускных. Две обязательные дисциплины и две по выбору. Если мы с вами найдем общий язык, жить вам будет гораздо легче,— она подмигнула как будто всему классу сразу. Турка подумал: «Подмазывается».

— Так, кто-нибудь скажет, что же такое «обществознание»? — продолжала Мария Владимировна.— Какую тему изучает предмет? Ну, кто знает определение?

Класс зашептался, зашелестели страницы. В крови у всех бродил дурман лета, мозги не работали. Сегодня и на математике все тупили, и на русском языке тоже.

Вовка укрывся за чужими спинами, а Турка сам не заметил, как поднял руку.

— Да, вот ты,— учительница прищурилась.— Давыдов, верно? Скажи нам, пожалуйста.

ГЛАВА 1. ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

— Ну, обществознание это... Ну как бы предмет, который изучает общество. Знание общества...— Турка смутился. Он хотел как-то выделиться среди всех, и поднять руку толкнул взгляд Марии Владимировны. Раньше-то никогда сам не вызывался отвечать, только если спросят.

— Да ты гений! Знание общества! — крикнул Проханов, и все загоготали.

— А что, правильно! — возразила Мария Владимировна.

Вовка Плетнев опять толкнул Турку локтем, прысая. Учительница же продолжала что-то рассказывать, разливая вдоль доски.

Открылась дверь. В кабинет ввалился Шуля. Потертые джинсы с каплями грязи снизу штанин (хотя последний дождь шел месяц назад), какой-то балахон с капюшоном, кроссовки пыльные. Шуля обвел мутным взглядом класс и упал за последнюю парту среднего ряда.

Сложил руки и положил на них голову.

— Это кто? — спросила у Воскобойниковой Мария Владимировна.

— Шульга.

— Молодой человек, вы хотя бы разрешения спросили...

Шуля в ответ громко засопел. Учительница пожала плечами и продолжила рассказывать, что же за наука такая — обществознание.

Гул не стихал, мало кто сидел молча. Обсуждали всякие насущные проблемы, играли на телефонах. Кто-то дремал.

Периодически Мария Владимировна повторяла свое: «Потише, пожалуйста!», но гул стихал для того, чтобы через пару секунд стать громче. Вместе с ним усиливался и храп. Тело Шули обмякло, растеклось по парте, испещренной царапинами, маркерными и корректорными надписями.

Точку в травле Зинаидки поставил Вол. Его пугали детской комнатой или там колонией, но в итоге пожурили как обычно, и все. Из школы грозились отчислить, но до этого дело тоже так и не дошло. Уже раза три его выгоняли, а потом он снова как ни в чем не бывало приходил на занятия.

В шестом классе Вол исчез на особенно долгий срок. В кабинете биологии огрызнулся на старшеклассника Бананенко, завязалась драка. Банан ударил Вола в пах, тот отлетел к цветочным горшкам и, скорчившись, держался за причинное место. Слезы, сопли, крики, мат. Банана оттащили, в конце концов...

После Вола положили в больницу, на операцию. Он пропустил всю четверть, как помнилось Турке. Ходили слухи, что у него там все «треснуло», «разбилось и вытекло», но Вол вернулся в школу и веселился, как и раньше.

— Кто-нибудь, толкните товарища. Слишком громко храпит.

Никто не шевельнулся, Тузов и остальные захихикали. Рамис швырнул комок бумажки, но Шуля никак не отреагировал.

— Ну? Разбудите его!

— А зачем? — спросил Тузов.— Хай дрыхнет!

ГЛАВА 1. ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

Улыбка на лице Марии Владимировны померкла. Учительница замерла в нерешительности, а Шуля спал взаправду, выхрюкивая рулады.

Вот преподаша возле его парты. Все разом затихли и теперь следили за ней.

Двадцать восемь пар выжидающих глаз.

— В натуре, лучше не трогать,— прошептал Вовка.— Спал бы себе...

— Отвали,— махнул рукой Шуля. Потом он выпрямил спину, потянулся и зевнул. Мария Владимировна отшатнулась. Взгляд Шули сфокусировался на ее бюсте. Рот так и остался приоткрытым.

— Гхы, здрасте,— Шуля улыбнулся.

— Доброе утро. Почему спим на уроке?

— А чего еще делать?

— Где учебник, тетрадь? — она уперла руку в бок.

— Нету,— продолжал тянуть лыбу Шуля.— Нафиг она?

Этот вопрос вызвал бурный смех. Шуля своеобразно скрестил руки на груди — ладони засунул в подмышки. Гогот стих, щеки у Марии Владимировны чуть порозовели.

— Чтобы учиться.

— А я на слух лучше запоминаю.— Он повернул голову к приятелям. Подмигнул Тузову и еще раз окинул липким, оценивающим взглядом фигуру учительницы. Присвистнул и поджал губы. Снова многие засмеялись.

— Так вы у нас теперь будете вести?

— Да. Обществознание и историю.

— Какая история! — Реплика снова вызвала веселье.— Круто. А от меня вы чо хотите?

— Хотя бы храпи потише. А если предмет не интересует, так можешь уходить. Я никого силком тут не держу.

— Силикон? — переспросил Шуля, осклабясь. — А я думал, настоящая...

Что тут началось! Конец света. Мария Владимировна побагровела. Турка не смеялся, а остальные просто умирали. Шарловский в экстазе колотил башкой о парту. Близнецы хихикали, девчонки во главе с Воскобойниковой хохотали. Серьезность и отстраненное выражение лица сохранял Асламов. Он еще и учебник листал.

Когда смех стих, учительница ответила:

— Ты настолько глуп, что не знаешь простейших слов? Или глухой? Если и дальше будешь храпеть, я найду, чем тебя заткнуть.

Тузов с компанией загудели и заулюлюкали. Шуля бросил в их сторону быстрый взгляд. Ухмылка сползла с его лица, а взгляд прояснился.

— Не одна ты можешь затыкать.

— Мы на «ты» теперь? — поинтересовалась Мария Владимировна.

— Я говорю, что могу сам заткнуть тебя, если потребуется, — презрительно бросил Шуля и тут же получил пощечину. На его щеке расплылась бордовая пятерня. — Ну, и чего? Дура, что ли, блин...

Мария Владимировна задрожала. Что-то хотела сказать, но развернулась на каблуках и, чуть покачиваясь, прошагала к учительскому столу. И стала глядеть в окно, опершись о подоконник.

У нее тряслись плечи.

ГЛАВА 2

В ЧЕЛЮСТЬ

Задребезжал звонок. Ребята повскакивали, ножки парт заскрежетали по паркету. Шуля медленно поднялся, по-свойски кивнул учительнице и вразвалочку побрел к выходу. По дороге дал подзатыльника Пете Русакову, а тот резко развернулся и, увидев кто перед ним, подал руку для приветствия. Шуля, не глядя, шлепнул по протянутой ладони.

— Ты чего? На перемену пошли! — позвал Вова.

— Пошли, — Турка кивнул, не сводя взгляда с учительницы. Она не плакала, теперь уже листала классный журнал. А Воскобойникова дожидалась, пока она сделает нужные пометки.

Вышли в пыльный коридор. Пол блестел, пахло мастикой и краской. Тут и там виднелись черные полосы от обуви, пыльные следы.

Турка, как и многие, ходил без сменной обуви. Дождя нет, сухо...

Стены тошнотворные — и не желтые, и не зеленые. Как сопли. И батареи тоже выкрашены. Сидеть на радиаторах запрещается, но всем пофиг. Когда начинаются дожди и холода, милое дело погреть задницу на батарее.

Потолки побелили. Такое чувство, будто просто воду размазали, тут и там остались разводы. Паркет мастикой натерли, пока еще кое-где блестит, ну и пахнет она крепко так.

— О, дружка нашел, — бросил Тузов. Однако, как и остальные члены банды, поздоровался с Вовкой.